
ТЕОРИЯ

Н. С. РОЗОВ

СМЫСЛ ИСТОРИИ КАК ИСПЫТАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА В ПРОСТРАНСТВАХ ИЗМЕНЕНИЙ

Основные философские позиции относительно смысла истории

Рассмотрим основные возможности интерпретации смысла истории с точки зрения реалистичности и осмысленности. Представим соответствующие пары типов подходов: реалистические и нереалистические, осмысляющие и неосмысляющие (то есть позволяющие и не позволяющие усматривать какой-либо смысл в явлениях). Есть четыре абстрактно возможных сочетания этих пар.

Отбрасываем 1) *нереалистические и неосмысляющие подходы* как не представляющие интереса. Из оставшихся трех сочетаний два являются вполне знакомыми.

2) *Осмысляющие нереалистические подходы* включают в рассмотрение любого рода сверхъестественные сущности (Бог, Провидение, разного рода мистические силы и явления, таинственные связи между ритуалами, жертвами, запретами и последующим воздаянием и т. д.). Многие из таких подходов имеют догматический характер. Сюда попадают разнообразные богословские и философские версии смысла истории (от Августина до Бердяева и Ясперса), исходящие из применения ко всей истории некоей общей схемы или модели (борьба Града Земного и Града Небесного, возвращение человека к Богу, прогресс Человеческого Разума, развитие Свободы, Самопознание Духа, переход к Сверхчеловеку или Сверхчеловечеству и проч.). Данные версии имеют богатое смысловое разнообразие. Их недостаток в том, что главным основанием каж-

дый раз является та или иная онтологическая или теологическая схема, тогда как обращение к реальной истории не требуется вообще либо используется лишь для подтверждения этой априорной схемы. Догматически поданный смысл истории, каким бы возвышенным или глубоким он ни казался, все равно вызывает вопрос: почему, собственно, дело обстоит именно так, а не иначе?

Выработать адекватное отношение к подходам такого рода – самостоятельная и непростая задача. Настораживает нереалистичность подходов данного типа, однако огульное отбрасывание всех таких подходов вряд ли разумно, поскольку с грязной водой можно выплеснуть и ребенка – сами смыслы, пусть продуманные и представленные в некоем недостаточно реалистичном коде. Поступим следующим образом: будем различать в подходах такого рода субстанциональную сверхъестественную и инструментальную методологическую компоненты. Первую либо отвергаем согласно бритве Оккама либо переводим, насколько возможно, на уровень естественных явлений или методологических и понятийных средств. Вторая компонента понимается как способ выражения таких смысловых содержаний, для которых еще нет адекватного аппарата естественных понятий. Примером может служить «план Природы» у Канта¹. Ясно, что Кант не подразумевал под этим где-то начертанный мистическим образом план как программу воспитания человеческого рода олицетворенной Природой (или Богом). Согласно его философии ноуменальные основы человеческой истории следует мыслить телеологически, а «план Природы» является как раз удобным и емким выражением (кодом) для обозначения этого телеологического аспекта. Далее можно обсуждать, насколько ноуменальный и теологический принципы адекватны для обсуждения вопросов философского осмысления истории, но здесь вполне допустимо оставаться на реалистической почве и не скатываться к привлечению сверхъестественных мистических сущностей и связей.

3) *Реалистические неосмысляющие подходы* больше известны как позитивистские, или сциентистские. Здесь в качестве законных признаются только научные эмпирические, а также теоретические понятия, имеющие (или предполагающие в будущем) надежное эм-

¹ Кант, И. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* [1784] // Кант, И. *Собр. соч.*: в 8 т. Т. 8. Изд-во «Чоро». – С. 12–28.

пирическое подкрепление. Смыслы и содержания, выходящие за пределы научных фактов, гипотез, теорий, вспомогательного аппарата исследований, либо отвергаются, либо, в лучшем случае, допускаются в качестве необязательного украшения. Наиболее распространенным в настоящее время является подход, который можно назвать циническим (в старом почтенном значении), в свое время неплохо выраженный К. Поппером: в самой истории смысла нет, любой смысл приписывается ей людьми². В данной логике невозможно избавиться от произвола и субъективизма в приписывании истории смысла, а посему эту проблему лучше просто закрыть и не тратить на нее попусту время и силы. Можно согласиться, что достоверное научное знание о смысле истории невозможно. Однако, как показала история с многочисленными попытками отмены метафизики и самой философии, запреты и любые доводы в данной сфере не действуют. Людей не отучить от осмысления известной им истории, соответственно *вопрос о смысле всей истории все равно будет с неизбежностью возникать*, причем этот вопрос имеет такой высокий уровень абстрактности и общности, что размышления по этому поводу всегда будут носить именно философский характер.

Отношение к подобным подходам в настоящей работе также двойственное. Они признаются недостаточными, поскольку мы сохраняем направленность на философское осмысление истории. Однако полностью отвергнуть их, как это делается в большинстве идеалистических философских и религиозных подходов, означало бы остаться в плену схоластического умозрения, без выхода к той важнейшей части реальности, которая познается эмпирической и теоретической наукой.

Остается тип 4) *реалистические и осмысляющие подходы*. Сюда попадают только такие подходы, в которых сочетается достаточно строгое научное мышление с философской постановкой вопросов и философскими обсуждениями.

Данного рода подходы существенно труднее в реализации, чем остальные, тем не менее они присутствуют в трудах таких классиков социального познания, как К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Р. Коллингвуд. Попытка развить такого рода подход будет сделана и в данной работе.

² Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Гл. 25. – М., 1992.

Подход состоит в том, чтобы не задавать содержание смысла истории в изначальных моделях и схемах, но строить суждения, основывающиеся, прежде всего, на результатах анализа самой истории. При этом, разумеется, без априорных схем не обойтись, но их построение и использование должно находиться под контролем.

Иными словами, задача состоит в построении такого концептуального и логического механизма, который не детерминировал бы содержание смысла истории, но служил лишь в качестве формы или инструмента, который можно применять к научным знаниям об истории и получать, таким образом, обоснованные суждения о ее смысле.

Заметим, что при таком подходе, с одной стороны, не утверждается, что одно только научное исследование истории способно выявить ее смысл, с другой стороны, лишь философские спекуляции без привлечения научных данных об истории также считаются недостаточными. При сохранении разграничения науки и философии и сфер их компетенции строится подход совместного использования философского и научного мышления для работы с глубоким философским затруднением – проблемой смысла истории.

Поиск понятийной формы для смысла истории

Обсудим основные значения самого термина «смысл». Смысл может пониматься в рамках лингвистики как семантическое содержание слова, предложения, текста. Далее такие смыслы, которые можно назвать *лингвистическими*, или *семиотическими*, оставим за скобками нашего анализа. Обобщения смыслов данного рода для явлений культуры (смысл фильма, спектакля, обряда), которые можно назвать *культурными смыслами*, также не являются предметом нашего внимания. Не будем говорить и о личностных смыслах, смыслах как переживаниях конкретных людей, групп, сообществ, то есть о *психологических смыслах*. Нас интересуют *философские смыслы*, претендующие на объективность и общезначимость. Именно в этом значении говорится о смысле жизни (вообще), о смысле истории (вообще), о смысле любви (вообще) и т. д. Заметим опять же, что в содержательных философских вопросах нет общепризнанности, раз и навсегда установленного консенсуса относительно открытий и истин, но это вовсе не мешает философским позициям *претендовать* на объективность и общезначимость.

Разумеется, при внешнем взгляде такие философские смыслы можно отнести к широко понимаемой категории культурных смыслов, поскольку любая философия строится в рамках некоторой культуры или пересечения культур. Однако культурологический взгляд является имманентно релятивистским: любой культурный смысл оправдан, и ни одному нельзя дать преимущества. Специфика философского смысла состоит не только в его претензиях на общезначимость (это касается и религиозных, и политических ценностей, также имеющих природу культурных смыслов), но также в особой абстрактной аргументации.

Смысл истории – это, прежде всего, смысл исторических изменений. Поставим два вопроса: что в человеческой истории остается неизменным, и какие изменения следует считать наиболее существенными?

Рассмотрим требования к понятийной форме смысла истории. В поиске адекватной понятийной формы для смысла истории необходимо учесть потенциальную разномасштабность этой формы. Она должна подходить как для осмысления всей человеческой истории, так и для ее отдельных частей – явлений, даже весьма малой размерности. Еще одной важной априорной характеристикой искомой формы является ее открытость в будущее. Замкнутая в аспекте будущего форма (например, путь к Страшному Суду или всеобщему благоденствию) оказалась бы не зависимой от смысла исторических явлений, но такую альтернативу мы уже ранее отвергли.

Неизменной и универсальной остается онтология человеческой действительности, а именно разделение на четыре сферы бытия (материальный мир, социосфера, психосфера и культуросфера) и принципиальные взаимосвязи между ними. В каждой сфере действуют свои законы³.

То, что происходит в истории, во многом определяется объективно действующими законами, но действуют они относительно имеющихся конфигураций (материальных предметов и ландшафтов, социальных структур, культурных образцов, психических структур и феноменов). Эту область изменений назовем *складыванием*. Исторические ситуации складываются, что включает и момент законо-

³ Розов, Н. С. Философия и теория истории. Книга 1: Прологомены. – М.: Логос, 2002. – П. 3.1.3

мерности, и момент случайности. Складывание определяется констелляцией наличных *причин*.

Наряду с естественным складыванием важную роль в человеческой истории играют искусственные процессы целенаправленной деятельности, которые в целом можно обозначить *конструированием*. Конструирование не выходит за пределы действия законов. Скорее, конструирование заключается в искусственном создании таких конфигураций (материальных вещей и процессов – в технике, социальных структур – в политике и экономике, знаков, смыслов и образов – в творчестве), для которых дальнейшее действие естественных законов вкупе с искусственным управлением процессами обуславливает эффективность функционирования. Конструирование также не выходит за рамки причин, но характеризуется ведущей ролью особого рода причины – целенаправленной деятельности людей. Такая причина включает, прежде всего, способности людей, разного рода средства, а также цели, в основании которых всегда лежат некие интересы и соответствующие *ценности*⁴. В то же время формирование ценностей, интересов и целей не бывает беспричинным, поэтому, в конечном счете, все процессы конструирования погружены в процессы складывания.

Кроме того, в каждом складывании имеется элемент конструирования и, наоборот, в каждом конструировании есть существенная часть складывания.

На границе складывания и конструирования есть большая и крайне значимая комплексная область, в которой отчасти естественно, отчасти искусственно отбираются или отбрасываются, выдвигаются на первый план или вытесняются на периферию, распространяются или сужаются разного рода конфигурации (технические устройства, социальные структуры, культурные образцы, психические установки, а также их сложные конгломераты, например организации или государства). Назовем эту большую сферу процессов родовым именем *испытания*. Конкуренция, разного рода конфликтные взаимодействия, вызовы и ответы – все это входит в большую область явлений испытания.

⁴ Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск: НГУ, 1998. Раздел 1.3.

Положение каждой конфигурации в каждой точке места и времени может быть представлено как результат некоторого неявного испытания, как правило, включающего моменты конструирования и моменты складывания. Категория испытания как раз отвечает зафиксированным выше требованиям к понятийной форме смысла истории.

Вся биологическая эволюция как охватывающая человеческую историю область может считаться испытанием разных форм жизни воспроизводиться и приспособляться в меняющихся обстоятельствах, важным фактором изменения которых являются сосуществующие формы жизни.

Существование и «история» каждого биологического вида также является испытанием. Множество видов не прошли его, некоторые заняли устойчивые ниши и приняли устойчивые формы, другие же продолжают изменяться, то есть по-прежнему проходят испытание.

Человечество как биологический вид изменяется наиболее быстро (речь идет не об органической морфологии человеческих существ, а о технологических, социальных и культурных надстройках), соответственно происходит *некое перманентное и крайне интенсивное испытание*.

Важно, что в этом случае испытание означает уже не только испытание на выживаемость (хоть этот аспект и остается базовым, поскольку человечество по-прежнему остается одной из форм жизни), но и испытание в иных, специфически человеческих аспектах, суть которых еще предстоит выяснить.

Испытание предполагает отбор (сообществ, групп, структур, качеств – тех, которые испытание прошли), но не сводится к нему.

Судьба каждой крупной исторической системы (например, цивилизации, империи или мир-экономики), судьба каждого общества также может быть понята как продолжающийся процесс испытания.

Далее, каждое значимое историческое явление, всегда включающее в себя серьезные трудности для участвующих групп и индивидов, также может рассматриваться как некое испытание.

Испытание открыто в будущее. Даже о прошлых испытаниях далеко не всегда можно сказать, кто выиграл, а кто проиграл. Каждая ныне живущая цивилизация и каждое общество проходят свои

испытания, итог которых неизвестен, о нем можно строить лишь догадки или теоретические предположения.

Итак, концепт испытания отвечает предъявленным априорным требованиям к понятийной форме. Это не исключает возможности предъявления иных требований или нахождения альтернативных форм. Но в данной работе будет принят именно этот путь: *исходного понимания смысла истории как перманентного самоиспытания человечества*.

Действительный конец истории как мысленный эксперимент

В формальном отношении смысл истории – это смысл длительности, наполненной всем тем, что делают люди и что происходит с людьми. Обычно философы по аналогии со смыслами отдельных событий трактуют смысл истории как некоего процесса, имеющего начало и конец. При этом концу истории произвольно приписываются ценностные, метафизические, богословские, мистические или иные характеристики, которые, собственно, и задают смысл истории.

Можно ли вообще с какой-либо степенью достоверности судить о действительном конце истории (то есть о полном исчезновении людей)? Это делать можно, но только в двух случаях.

Во-первых, при отсутствии способных к полностью автономному существованию внеземных человеческих колоний возможно обнаружение естественных процессов (связанных с эволюцией Солнца, или внутренних процессов в структуре планеты Земля, или траекторией каких-либо космических тел, излучений и проч.), которые приведут к наступлению условий, исключающих возможность человеческого существования. Все такого рода возможности подпадают под категорию *естественного конца истории*.

Во-вторых, наступление таких условий можно предсказать с высокой надежностью, если приводящие к ним процессы вызваны действиями самих людей (например, наступление «ядерной зимы» после серии ядерных ударов или разрушение защитных свойств атмосферы вследствие промышленных выбросов). Таким образом, здесь уже речь идет об *искусственном, или антропогенном, конце истории*.

Все прочие суждения о конце истории либо касаются ожидаемых новых исторических эпох, рисуемых с разным соотношением реализма, мистических или технических фантазий (торжество

Сверхчеловека по Ницше или Сверхчеловечества по Соловьёву, цивилизация кибергов у фантастов, полная победа либеральной модели общества у Фукуямы и проч.), либо выражают полностью мистические взгляды, никак с реальным восприятием истории не соотносящиеся (Страшный Суд в Библии, «точка Омега» Тейяра де Шардена и аналоги).

Посмотрим, что можно будет сказать о смысле человеческой истории, получившей естественное завершение. Ясно, что люди об этом ничего уже сказать не смогут, поскольку по условию задачи никаких людей на Земле или вне нее не останется. Соответственно наши размышления о том, «что можно будет сказать», относятся либо к представителям внеземных цивилизаций (вполне фантастических), либо к искусственно сконструированной позиции идеального внешнего наблюдателя, подобного кантовскому трансцендентальному субъекту). Предпочтем второй вариант, поскольку этому субъекту нужно придать не только любопытство и философичность, но также абсолютные познавательные способности, позволяющие выяснить причины произошедшей глобальной трагедии.

Итак, людей не осталось, человеческая цивилизация погибла. Естественные причины этого известны (здесь не важно, какие именно). При выяснении нашим трансцендентальным субъектом последовательности событий будет раскрыта та или иная из трех главных возможностей:

1) глобальная катастрофа настигла планету совершенно неожиданно для людей;

2) о надвигающейся катастрофе было известно за некоторое время, люди начали что-то делать для спасения, но не успели;

3) о надвигающейся катастрофе было известно задолго, люди успели создать все, что могли придумать для спасения, но это не помогло.

Крайние варианты (1 и 3) представляют чистые формы и указывают, прежде всего, на недостаточность интеллектуальных (познавательных и творческих) способностей людей: в первом случае не удалось предвидеть катастрофу, в третьем случае не удалось изобрести надежный способ спасения. Вариант 2 представляет смешанную форму: не удалось заблаговременно предвидеть, не удалось изобрести способы спасения, осуществимые за короткое время, недостаточно оказалось материального и организационного потенциала для того, чтобы успеть спастись.

Обратимся к случаю антропогенной катастрофы (концу истории, вызванному действиями людей). Наиболее очевидными из известных возможностей являются «ядерная зима», неизбежная после достаточно долгой серии мощных ядерных ударов, а также разрушение защитных свойств атмосферы вследствие промышленных выбросов. Такого рода события происходят тогда и только тогда, когда люди не способны предвидеть гибельные последствия своих действий либо не способны остановить эти действия, зная об их катастрофических последствиях. Кроме тех же познавательных способностей предвидения, здесь идет речь о способностях вести переговоры, убеждать, приходиться к взаимоприемлемым соглашениям, позволяющим избежать катастрофы, а также о налаживании эффективного контроля над выполнением достигнутых соглашений. Наряду с важной ролью дипломатических способностей (в широком смысле), моральной компоненты, организационных и принудительных способностей контроля, здесь также ключевую роль играет интеллектуальное творчество, поскольку только оно дает возможность изобрести варианты соглашений, позволяющих сторонам воздерживаться от опасных действий и приемлемых с точки зрения их интересов.

Теперь отметим общие черты всех рассмотренных вариантов. Везде на первом плане оказываются интеллектуальные (познавательные и творческие) способности людей, направленные на долговременное прогнозирование и диагностику всевозможных опасностей для условий человеческого существования, а также на изобретение способов и средств спасения – защиты и поддержания данных условий. Кроме того, по условиям задачи в ситуации действительного конца истории, *в каждом варианте эти способности оказались недостаточными*. Каковы же скрытые предпосылки данного простого суждения?

Способности оказались недостаточными, поскольку были бы они достаточны, то удалось бы выжить пусть не всему человечеству, но его части, способной к воспроизводству, причем тогда конец истории не наступил бы. Нет ничего искусственного в приписывании варианту глобальной гибели атрибута неуспеха, а варианту спасения – успеха. Получаем следующую понятийную конструкцию: *если благодаря накопленным способностям что-то удалось сделать, то следует успешный результат, если не удалось – неуспешный*.

Теперь становится очевидным, что данная конструкция полностью соответствует понятию *испытания*. Причем, мы не приписывали понятие испытания ситуации конца истории априорно и произвольно. Вместо этого мы провели мысленный эксперимент, рассмотрели возможные варианты, выявили общие черты, раскрыли неизбежные предпосылки и пришли в результате к итогу: действительный конец истории (как прекращение существования человеческого рода) может произойти во всех случаях *неуспешного прохождения человечеством некоторого испытания*.

Сказанное не умаляет значения и оставшихся рядоположенных категорий: складывания и конструирования. Действительный конец истории наступает потому, что так *сложилось* неблагоприятные обстоятельства, причем людям не удалось *сконструировать* эффективный способ спасения от угрозы.

Наш мысленный эксперимент позволил выявить значимые качественные характеристики этого кардинального испытания: прежде всего, испытываются интеллектуальные (познавательные и творческие) способности людей, направленные на предвидение опасностей, изобретение способов их избежания, умение достигать соглашения.

Мысленный эксперимент высвечивает значимость сохранения базовых условий человеческого существования, причем ответственность за это сохранение всегда имеется имплицитно, но выступает на первый план при росте соответствующих опасностей.

Отвлекаясь от конца истории и применяя полученные результаты к ходу продолжающейся истории, получаем следующий общий вывод: *люди, ведая или не ведая того, проходят испытания на адекватное познание складывающихся обстоятельств, чреватых разнообразными угрозами, а также испытания на способность конструирования способов и средств преодоления этих угроз*.

Таким образом, в одной достаточно простой концептуальной форме удалось соединить широкие категории складывания, конструирования, испытания, познания, способностей и угроз.

Достаточна ли эта форма для понимания смысла истории? Нет. Здесь речь идет, скорее, о смысле существования человеческих сообществ. История предполагает не только и не столько сохранение устойчивости и преодоление угроз, сколько наличие необратимых, поступательных изменений (при всех сложностях исторических

«возвратов» и упадков отдельных обществ). Проще говоря, смысл истории включает в себя сохранение существования человеческого рода, но не ограничивается этим. Каким же образом получить представление о необходимом дополнительном содержании?

Пространства исторического продвижения

Будем отталкиваться от исходной метафоры поступательного движения. Продвижение подразумевает пространство. Продвижение в физическом пространстве означает освоение и заселение новых географических мест на планете Земля, а также (что маловероятно, но не исключено в принципе) других небесных тел. Такое географическое продвижение нельзя исключить из смысла истории, но оно, очевидно, не исчерпывает его. Нужно вести речь о пространствах в более широком смысле: *о пространствах изменения качеств разного рода целостностей.*

Встает задача выделения оснований для классификации целостностей и выделения соответствующих качественных пространств. Поскольку в истории речь идет о социальной, человеческой действительности, нужно использовать ее наиболее общее онтологическое деление: ранее разработанную четырехчастную структуру социальной онтологии, включающую материальный мир, социосферу, психосферу и культуросферу⁵. Соответственно получаем сразу пространство материальных объектов (естественных и искусственных), пространство социальных структур, пространство психических структур и пространство культурных образцов.

Материальный мир включает географическое пространство, в котором различные ландшафты характеризуются природными циклическими процессами, образующими экологические режимы. Также любые технологические структуры и их конгломераты (например, крестьянские хозяйства, заводы, города, агропромышленные комплексы, транспортные системы и т. д.) взаимодействуют материальным образом с окружающими ландшафтами и соответствующими экологическими режимами. Регулярные потоки сырья и отходов образуют особые материальные режимы, которые, взаимодействуя с природными режимами, составляют искусственно-естественные – *техноэкологические режимы*, сложным образом распределенные в

⁵ Розов, Н. С. Философия... Раздел 3.1.

географическом пространстве. С точки зрения исторических изменений экотехнологических режимов изменения конкретных типов ландшафтов или конкретных типов устройств и технологий являются частными аспектами. Значимые материальные условия человеческого существования задаются именно техноэкологическими режимами, поэтому выделяем соответствующее пространство изменений таких режимов и будем уделять ему в дальнейшем особое внимание.

Пространство изменений социальных структур делится на подпространства семейно-родственных отношений, военно-дипломатических, политических, религиозно-идеологических, правовых, экономических, клубных и прочих структур.

Сложнее обстоит дело с психическими структурами. Большинство из них (установки, мотивы, интересы, цели) тесно связаны с наличными социальными условиями. Кроме того, человеческая психика по своей природе структурирована культурными образцами и социальными формами, которые составляют в душе каждого человека особый комплекс управляющих механизмов (установок, убеждений, устойчивых мотивов и интересов) и психического инструментария (языка, образов, понятий, логики и т. д.). В истории значимые поступательные изменения в человеческих потребностях, способностях, установках весьма трудно уловить по причине конечности и кратковременности каждой человеческой жизни. Остающиеся свидетельства биографического характера или характера личного творчества превращаются в особые культурные образцы и уже составляют часть культурного пространства. Более того, можно смело утверждать, что любые сколько-нибудь крупные исторические изменения в психике людей в большей части определяются наличными социокультурными режимами и доступными сферами культурных образцов. Поэтому психосферу, в отличие от остальных трех сфер бытия, не будем рассматривать как «окно» в особое пространство исторических изменений. Скорее, человеческое сознание и психика представляют собой некий «взгляд» в «окна» остальных сфер.

Пространство культурных образцов можно разделить согласно традиционным сферам культуры на подпространства морально-религиозных, социально-политических, философских и научных идей, подпространства произведений литературы, изобразительного искусства, музыки, театра и кино, разного рода синтетических жанров и т. д.

Выделение в материальном мире техноэкологических режимов ведет к вопросу о режимах в каждой из четырех оставшихся сфер бытия. Режимы являются устойчивыми комплексами повторяющихся рутинных процессов. Однако процессы в человеческой действительности всегда имеют гибридный характер, то есть включают компоненты из разных сфер бытия. Это касается и технологических процессов, всегда предполагающих участие человека с его психическими качествами, интериоризованными культурными образцами, и погруженного в социальные (прежде всего, экономические) структуры. При этом в любом технологическом процессе несложно выделить аналитически чисто материальные составляющие и отвлечься от социальных, психических и культурных. Такая операция практически невозможна при анализе процессов, а особенно режимов в других сферах бытия. Процессы сплочения, управления, обмена, конфликтных взаимодействий, тем более политические, экономические, религиозные, правовые, семейно-родственные режимы, режимы производства, распространения и потребления культурной продукции всегда характеризуются теснейшей связью социальных, психических и культурных компонентов. Соответственно корректно было бы говорить о социо-психокультурных режимах. Далее, чтобы избежать неуклюжего неологизма, будем обозначать их как *социокультурные режимы*, но всегда подразумевать при этом участие центрального звена психических структур участников этих режимов.

Итак, в результате получаем весьма широкое поле для анализа – ряд пространств исторических изменений:

- географическое пространство (территории, акватории и околоземное пространство планеты с учетом того, что реальное освоение ближайших небесных тел в обозримом будущем может всерьез рассматриваться только в плане добычи и доставки редких и особо ценных ресурсов);
- пространство технологий (генеалогии технических устройств и их комплексов) и техноэкологических режимов;
- пространство социальных структур (семьи, кланы, рынки, религиозные, военные, политические, образовательные и прочие организации, государства и т. д.) и социокультурных режимов;
- пространство культурных образцов.

Проведем предварительное рассмотрение измерений каждого из выделенных пространств.

Измерения пространств исторического продвижения

1. *Географическое пространство* имеет три физических измерения, но этот тривиальный момент нас здесь не интересует. Гораздо важнее, что историческое продвижение людей в географическом пространстве включает четыре основных этапа: каждая территория, как правило, вначале *разведывается* людьми, затем *осваивается* (развитие промыслов и добыча ресурсов), рано или поздно *заселяется* и, наконец (к сожалению, далеко не всегда), *благоустраивается* (современное понимание благоустройства может включать также ограничения на заселение и промыслы, заботу о редких видах животных и растений). *В рамках географии смысл истории вполне может пониматься как испытание человеческого рода на способность благоустроить все территории планеты.* Поскольку человеческая деятельность зачастую приводит не к благоустройству, а к деградации среды, а ценности и критерии благоустройства весьма проблематичны, то постижение этого смысла оказывается далеко не такой простой задачей, как могло бы показаться вначале.

2. *Пространство технологий и техноэкологических режимов.* Пожалуй, измерения данного пространства наиболее детально разработаны благодаря наличию разнообразных технических и техноэкономических показателей, развитию истории и теории техники. Здесь правит дух *эффективности*. Упомянем только такие измерители, как арсенал выполняемых устройством функций (функциональная широта), эффективность выполнения функций в сравнении с аналогами, издержки в производстве и эксплуатации устройства, характер и величина побочных негативных эффектов. Разнообразие технических устройств неисчислимо. Вместе с тем вполне обозримы функциональные сферы, в которых появляются новые устройства. Таковыми являются: жизнеобеспечение (питание, одежда, жилье, энергия и водоснабжение, медицина), производство, транспорт и связь, средства насилия и обороны, а также материальное обеспечение социокультурных процессов и режимов (например, распределения и обмена, религиозных служб, театральных постановок, научных исследований, обучения в школе или университете, работы мэрии или парламента и т. д.). Каждая такая сфера может считаться особым подпространст-

вом, и в каждом из них, судя по всему, имеет место прогресс в расширении состава функций и росте эффективности устройств.

При детальном анализе оказывается, что эффективность не является автономной ценностью, но является *выражением способности технического устройства удовлетворять такие-то человеческие потребности при таких-то условиях*. Иными словами, эффективность всегда завязана на потребности и меняющиеся условия. При этом часто растут издержки и негативные (экологические, социальные и культурные) последствия эксплуатации технологий. Кроме того, технический прогресс нередко ведет к деградации человеческих способностей (простой пример: развитие рентгенографии привело к практическому исчезновению мануальной диагностики). Вместе с тем совершенно неоспоримо стимулирующее влияние технического прогресса на развитие человеческих потребностей, социальных структур и культурных образцов.

Более сложной задачей является соизмерение техноэкологических режимов. Основными представляются четыре группы параметров: 1) уровень комфорта режима (в разных аспектах) для людей, 2) воздействие режима на природное окружение, 3) отношение режима к развитию технологий (препятствует или способствует), 4) устойчивость режима, вероятность кризисов и потенциал для их преодоления.

Смысл истории в аспекте технологического развития, прежде всего, не может предполагать завершение (конец или тупик) совершенствования технических устройств и технологий. Даже техническое обеспечение потребностей всех представителей человеческого рода не может считаться конечной целью, поскольку сами потребности развиваются. Смысл истории в аспекте технологий следует искать на пересечении неуклонных тенденций расширения функций, роста эффективности и доступности технологий, с одной стороны, и роста ограничений, связанных с необходимостью защиты развивающихся ценностей (экологических, моральных и др.), с другой стороны.

Смысл истории лучше просматривается в аспекте изменений техноэкологических режимов: человеческий род испытывается на способность к созданию таких режимов, которые обеспечивали бы комфортные условия существования людям (с точки зрения их ценностей и потребностей), сохраняли бы видовое разнообразие и гармонию

природного окружения, максимально способствовали дальнейшему технологическому прогрессу и оставались при этом устойчивыми, обладая высоким потенциалом для преодоления кризисов.

Несложно видеть, что такое понимание развития техноэкологических режимов во многом раскрывает содержание «благоустройства» географических пространств, о котором говорилось выше.

3. Пространство социальных структур и социокультурных режимов. Социальные структуры обычно складываются (лишь в последние 2–3 столетия отчасти конструируются), различаются по традиционным сферам (политика, военное дело, экономика, религия и идеология, семейно-родственные отношения, образование, организация науки и т. д.), а в рамках каждой сферы могут сравниваться между собой по эффективности и устойчивости. Некоторые социальные институты как сложные полифункциональные и устойчивые структуры обретают во многих обществах и культурах самоценное значение (например, семья, род, церковь, университет, государство, армия), но при ближайшем рассмотрении ценность оказывается тесно связанной лишь с самой общей идеей, фактически – культурным образцом, а не самой структурой (например, «идея университета»), тогда как сами реальные структуры трансформируются и даже полностью меняют функции на протяжении истории. Соответственно историческое продвижение в пространстве социальных структур следует понимать в более техническом ключе, но, как мы видели в случае технологий и техноэкологических режимов, такой взгляд во все не исключает усмотрения смысла в данном продвижении.

К социальным структурам, в принципе, можно подходить так же, как к техническим устройствам, но все же учитывать существенные отличия. Во-первых, эффективность социальных структур неразрывно связана с условиями окружения, которые более изменчивы и труднее поддаются учету и фиксации, чем условия функционирования техники; во-вторых, эффективность социальных структур не может быть определена безотносительно к определенным группам. При этом интересы разных групп настолько различаются, что социальные структуры, эффективные для одних групп, часто бывают крайне неэффективны или даже пагубны в отношении к интересам и потребностям других групп.

В связи с вышесказанным эффективность социальных структур следует рассматривать в контексте социокультурных режимов (объемлющих условия функционирования структур) и при неперемной фиксации различных эффектов действия социальных структур на потребности, интересы и ценности разных социальных групп.

Социокультурные режимы как системы рутинных процессов в социальной, психической и культурной сферах отличаются друг от друга по множеству параметров. Любой вариант задания фиксированных измерений и соответствующего пространства исторических изменений будет неизбежно страдать той или иной степенью произвольности. Выделим априорно три группы параметров, значимых: 1) для участников и современников режима, 2) для последующих поколений и 3) для тех и других.

Для участников и современников социокультурный режим предоставляет, прежде всего, тот или иной *уровень комфорта* как удовлетворения социальных и эмоционально-духовных (культурных, религиозных) потребностей. Предположим также, что этот уровень комфорта тесно связан со *сравнительной эффективностью режима*, которая выявляется по преимущественному направлению миграций, а также по распространению более эффективных режимов за счет вытеснения и ассимиляции менее эффективных (при исключении принудительно-силовых методов).

Для последующих поколений людей социокультурный режим естественным образом оценивается по *уровню долговременной значимости возникших в соответствующих обществах социальных структур* (например, образовательных учреждений, церквей, банков и бирж, систем налогообложения и проч.), а также *культурных образцов* (философских, религиозных, научных, литературных и иных текстов, произведений искусства и т. п.), что прямо соотносится с продвижением в соответствующем культурном пространстве.

Общую значимость для современников и последующих поколений имеют такие системные параметры режима, как его *устойчивость и потенциал для преодоления кризисов*.

4. *Культурное пространство* не задается единой и априорной системой измерений, скорее, оно имеет структуру разветвляющейся и воссоединяющейся сети культурных образцов, связанных ге-

неалогическими отношениями порождения/фундирования⁶. Образцы не только развиваются (порождая дочерние образцы), но также функционируют, причем в двух планах: в том же пространстве образцов и во внешних процессах социокультурных режимов. Соответственно образцы могут сопоставляться между собой по трем главным параметрам:

- внутренняя (смысловая) эффективность – способность успешно участвовать в постановке и решении разного рода задач (интеллектуальных, эстетических, моральных, религиозных и т. д.) в рамках соответствующей сферы образцов;
- внешняя эффективность – способность успешно участвовать во внешних социальных, психологических и материальных процессах;
- плодотворность – способность порождать новые образцы с высокой внутренней и внешней эффективностью.

Данные параметры не являются единичными измерениями культурного пространства, поскольку критерии успешности, эффективности и плодотворности зависят от меняющихся ценностей и разнообразных условий. При этом сами ценности являются развивающимися культурными образцами со своими значениями внутренней и внешней эффективности и плодотворности.

Как же определить, насколько далеко те или другие общества исторически продвинулись в том или ином пространстве?

Роль общезначимых ценностей

В рассуждениях о реальной исторической динамике и направленности социальной эволюции худшим подходом является гуманитарное прекраснотушение – представление о том, что история управляется некими идеальными ценностями. Увы, реальная история управляется конфликтами и доминированием, а главным фактором доминирования оказывается эффективность.

Есть ли в таком мрачном, почти макиавеллевском видении хода истории хоть какое-то место для ценностей, особенно для общезначимых ценностей? Предпримем окольный ход к ценностям – через потребности, лежащие в основе эффективности. Зададимся

⁶ Розов, Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. – Новосибирск: НГУ, 1992. – С. 35–43.

двумя вопросами. 1. Есть ли и каковы универсальные стремления, характерные для природы человека? 2. Насколько и в каких группах удовлетворяются эти потребности при историческом продвижении к более эффективным технологиям, социальным формам и культурным образцам?

Наиболее универсальными стремлениями людей на протяжении всей истории, во всех обществах и цивилизациях остаются безопасность, комфорт (материальный, социальный и духовный) и престиж⁷ (Вебер 1990; Mann 1987; 1993; Collins 1999). Свобода, поддержка, солидарность, права оказываются социальными потребностями, поскольку их отсутствие воспринимается как дискомфорт и возникают стремления к получению соответствующих социальных условий и благ. Религиозные и эстетические потребности попадают в группу обеспечения духовного комфорта.

Далее, оказывается, что эффективные технологии, социальные формы и культурные образцы почти никогда не являются эффективными для всех. Напротив, увеличение безопасности одних часто приводит к нарушению безопасности других. Наиболее остро это проявляется в росте дефицита ресурсов, который часто порождает конфликты, нередко получающие форму насилия – мятежей или войн, что сразу же обрушивает уровень удовлетворения потребностей множества людей.

Заметим, что общезначимые ценности⁸ по своему содержанию весьма близки к выделенным выше базовым человеческим потребностям. Ценности жизни и здоровья прямо соответствуют потребности в безопасности. Достоинство личности представляет собой уровень в шкале престижа, ниже которого идут значения, связанные с унижениями и оскорблениями. Гражданские права и свободы как ценности выражают условия выполнения соответствующих потребностей социального комфорта. Экологические ценности (чистота

⁷ Вебер, М. Избр. соч. М.: Прогресс, 1990. Collins, Randall. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford Univ. Press, 1999. Mann, Michael. *The Sources of Social Power*. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A. D. 1760, Cambridge Univ. Press, 1987. Ibid. *The Sources of Social Power*. Vol. II: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. Cambridge Univ. Press, 1993.

⁸ Розов, Н. С. Ценности... Раздел 2.1.

атмосферы, воды, состояние лесов, качество питания и т. д.) также выражают условия поддержания здоровья и физического комфорта.

Итак, предназначение общезначимых ценностей состоит в защите базовых человеческих стремлений при неуклонном историческом продвижении режимов и структур в пространствах эффективности. Соответствующий смысл истории раскрывается как испытание человеческого рода на способность к защите общезначимых ценностей и базовых стремлений людей в условиях такого продвижения.